

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)****Ольга Владимировна ДАУЭНГАУЭР**

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
dauengauer@gmail.com

История статьи:

Принята 09.09.2016

Принята в доработанном виде

26.09.2016

Одобрена 13.10.2016

УДК 94 470.331

JEL: N93

Ключевые слова:

крестьянское хозяйство,
бедность, бюджет, аграрные
реформы дореволюционной
России

Аннотация

Предмет. На рубеже XIX–XX вв. в финансовом секторе экономики Российской империи сложилась непростая ситуация. Освобождение крестьян от личной зависимости и наделение их землей не решило проблему обеднения этого сословия. Оставаясь основным налогоплательщиком империи, крестьянские хозяйства сталкивались с серьезными сложностями: низкая эффективность хозяйства, малый профицит бюджета, структурные компоненты которого свидетельствовали о кризисных процессах. Исследование бюджетов крестьянских хозяйств позволяет детально анализировать экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивался этот крупнейший социальный слой дореволюционной России. Являясь экономической основой самодержавного режима, российский крестьянин к 1917 г. за весьма непродолжительное время растерял всю свою политическую толерантность. Этому в немалой степени способствовала неэффективная политика, паллиативное реформирование.

Цели. Комплексного исследования формирования крестьянских бюджетов до сих пор не проводилось. В данной статье предпринята попытка рассмотреть крестьянские бюджеты не столько как исторический источник, сколько как количественные данные для анализа социально-экономического положения крестьян в исследуемый период.

Методология. Методологическую основу исследования составили анализ статистических данных и системный подход.

Результаты. Исследование может быть полезно историкам, социологам, управленцам и экономистам.

Выводы. Сельское хозяйство к началу XX в. более не являлось основной экономической базой для формирования крестьянского бюджета. Промысловые занятия с ориентацией на долгосрочный отход успешно становились одной из основных статей дохода, составляя около 38%. Показателен процесс «духовного дефицита», ничтожно малыми были статьи крестьянского бюджета, выделяемые на образование и духовные потребности. Выражение «едва сводить концы с концами» прочно обосновалось в крестьянском быту. Тяжелейшие условия жизни делали крестьян неустойчивыми к экономическим кризисам и более подверженными революционной пропаганде.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Исследования бюджетов в западной историографии уже давно являются фундаментом прикладного изучения проблем бедности. Современная отечественная историческая наука все чаще вводит в научный оборот массовые источники, которые широко используются не только историками, но и экономистами, юристами, социологами и управленцами. Первоначально древне-нормандское слово «бюджет» обозначало дословно «кожаный мешок с деньгами», который министр финансов английского парламента приносил с собой в начале нового года и произносил речь о государственных денежных средствах, в нем содержащихся [1]. Позднее слово «бюджет» было перенесено на годичный оборот государственных финансов. В настоящее время под этим термином понимаются все приходы и расходы в течение года как государства, так и учреждений, и частных лиц, и семей.

Исследование бюджетов российских крестьян, являвшихся самым крупным сословием царской России, позволяет сделать выводы о соотношении потребления и спроса в данной среде. Системный анализ крестьянских бюджетов и особенностей их формирования позволяет определить тяжесть налогообложения, сделать качественные и количественные выводы об устойчивости экономического положения крупнейшего налогоплательщика империи, оценить перспективы развития в начале XX в.

В Российской империи на рубеже XIX–XX вв. исследованием бюджетов крестьянских хозяйств и составлением соответствующей статистики занимались местные органы самоуправления – земства. Земские статистические обследования крестьянских хозяйств возникли для выработки соответствующих норм налогообложения, но вышли далеко за пределы фискальных задач.

В архивах и библиотеках хранятся огромные массивы как опубликованной, так и неопубликованной информации, собранной земцами, которая характеризует социально-экономическую структуру крестьянских хозяйств Российской империи [2].

Самые первые обследования крестьянских хозяйств начались летом 1870 г. в Вятской губернии, где были исследованы 15 волостей и через год опубликованы первые результаты¹.

Тверская губерния была одним из пионеров земской статистики. Потребность в точных статистических сведениях об объектах земского обложения побудила Тверское губернское земство учредить в 1871 г. при губернской земской управе статистический отдел, который возглавил В.И. Покровский (до 1881 г. он был единственным работником в отделе). В ходе статистических обследований Тверской губернии большую помощь Покровскому оказывали агенты земского страхования, учителя земских школ, сельские священники. Под руководством Покровского земские статистики провели подворные переписи крестьянских хозяйств всех 12 уездов.

Всего земствами за период с 1870 по 1913 г. были произведены переписи в 311 уездах Европейской России, в 58 из них они проводились два раза, а в 17 – трижды², что позволяет проследить динамику их состояния. Исследования непосредственно бюджетов крестьянских хозяйств проводились с 1870 г., вплоть до революции (последние бюджеты собирались в 1917 г. по Иркутской губернии). Всего было собрано более 11,5 тыс. бюджетов, из которых более 85% по Европейской части России. Большинство из собранных бюджетов были массовыми – более 98% (то есть охватывали всю губернию или уезд) [3].

Земские публикации имеют ряд существенных особенностей, которые вкупе с общей малой изученностью и анализом степени архивной сохранности заставляли обходить стороной этот поистине уникальный комплекс документов. Это совершенно не означает, что сама тема была забыта. Можно с уверенностью утверждать, что исследования земской статистики возникают одновременно с оной [4]. Фундаментальными

¹ Рихтер Д.И. Доклад в III-м отделении Императорского Вольного экономического общества 12 марта 1894 г. // Земская статистика на IX съезде естествоиспытателей в Москве. СПб.: Тип. В. Демакова. С. 4.

² Шендерюк М. Источниковедческая характеристика программ земских подворных переписей в северо-западных губерниях России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/schend_istoch.n.php

работами, посвященными данной проблематике можно считать труды Ф.А. Щербины [5], А.В. Чайнова [6], И.Д. Ковальченко [7]. Следует отметить, что вовлеченность данного вида источника в научный оборот явно не соответствует его научному потенциалу. Исследования А.В. Чайнова носят обобщающий характер [8, 9].

Современных исследователей интересует разработка источниковедческого аспекта темы [10]. В.Ф. Абрамов [11], Г.А. Герасименко [12] и Н.Г. Королева [13] проводят анализ взаимодействия крестьянских хозяйств с земскими организациями.

Незаслуженно забытым остается исследование особенностей и путей формирования бюджетов крестьянских хозяйств как на региональном, так и на общероссийском уровне. Данная работа является попыткой комплексного анализа формирования бюджетов крестьянских хозяйств Тверской губернии.

В начале XX в. земские исследователи составили подробный приходно-расходный бюджет крестьянских хозяйств Тверской губернии за 1903–1904 гг.

Основными статьями дохода крестьянского бюджета в начале XX в. были средства, полученные от сельского хозяйства, промысловых заработков, что составляло более 83% от общей суммы доходов. Остальные 17% приходились на содержание лавок, кредитные операции и прочие доходы, именуемые земцами «разные».

Доходы крестьян от сельского хозяйства в Тверской губернии составляли чуть более 45%. Основными статьями сельскохозяйственного дохода являлись продажа хлебов и растений (рожь, яровые хлеба, картофель, лен) и семян; соломы и сена; скота (а также молочной и мясной продукции); продуктов птицеводства, пчеловодства и огородничества; сдача земли в аренду и продажа леса. Исключение составляли лишь два уезда – Ржевский и Зубцовский, которые входили в район интенсивного льноводства губернии. Тверская губерния в начале века занимала второе место в России по развитию льняной культуры как технической – 22% в системе яровых посевов [14], а Зубцовский и Ржевский уезды занимали первые места среди всех регионов, специализировавшихся на выращивании льна.

Интересен вопрос: почему крестьянство, исторически практикующее занятие земледелием, к концу XIX в. получало менее половины дохода от сельского хозяйства?

Сельское хозяйство центра Европейской России и исследуемого региона нуждалось в кардинальных реформах. Большинство крестьянских дворов пользовалось землей на общинном праве. Между тем данный способ владения и пользования землей имел определенные особенности и провоцировал появление ряда неудобств. Самыми распространенными и часто встречающимися из них были чересполосность угодий, их дробность, многополосье, узкополосица, длинноземелье и разница в составе сельскохозяйственных угодий [15]. Кроме того, в Европейской России и исследуемом регионе имела место нехватка наделной земли [16]. Причинами этого процесса являлись аграрное перенаселение в Европейской России и принципы наследования земли, исторически сложившиеся у российских крестьян. В Тверской губернии количество крестьянских дворов с 229 254 в 1887 г. увеличилось до 302 888 в 1905 г. то есть за 19 лет – на 32%. Между тем количество наделной земли в 1905 г. составляло 2 641 579 дес., то есть увеличилось за те же 19 лет всего на 100 140 дес. – на 4%³.

Фактическое уменьшение земельного надела толкало тверских крестьян к приобретению земли путем ее аренды и покупки. Крестьянские семьи на аренду земель тратили не более 3,6% своих доходов. Однако уездные данные дают более детальную картину: льноводческие уезды тратили на аренду земли почти в два раза больше. Особую активность в приобретении земли проявляли отдельные домохозяева [17]. В 1877 г. крестьянская частная собственность (земельная собственность обществ, товариществ и отдельных домохозяев) составляла 5,5%, а к 1905 г. она уже достигла 15,3%⁴. В Тверской губернии это соотношение было иным: в 1877 г. крестьянская земельная собственность составляла 10%, а к 1905 г. – 21,3%⁵. В связи с этим характерно увеличение площади мелкого и среднего землевладения. В покупке крестьянами земли важную роль играл Крестьянский поземельный банк. Выдавая ссуды на покупку земли под залог, он являлся крупнейшим игроком на земельном рынке и способствовал повышению цен. В Тверской губернии наблюдался устойчивый

спрос на услуги банка, что также вызывало рост цен. В уездах, где площадь наделного землевладения была наименьшей, крестьяне наиболее активно покупали землю⁶.

Помимо недостатков, связанных с землевладением и землепользованием, имелись сложности с существовавшей системой хозяйствования на земле, устаревшей материально-технической базой. Крестьянство европейской части России и исследуемого региона старалось все больше ориентироваться на сельскохозйственный внешний и внутренний рынки. Крестьяне пытались приспособиться к меняющимся условиям. Последствием этого переориентирования стало вытеснение из севооборота в Тверской губернии традиционных культур (яровых ржи и пшеницы, гречихи, гороха, частично – овса, ячменя) и, напротив, расширение площадей под техническими культурами, такими как лен и картофель. Чтобы заниматься специализированным разведением данных культур, необходимо было произвести ряд изменений в способах ведения земледелия, начать активно использовать усовершенствованные орудия труда и семена. Между тем внедрение усовершенствованных орудий в сельском хозяйстве Тверской губернии шло очень медленно. Особенностью исследуемого региона являлось повсеместное использование деревянных плугов и сохи. Объяснялось это неудобствами общинного пользования (узкополосность, дробность земель), сложными природно-климатическими условиями и своеобразием почв региона (каменистые, подзолистые, торфяные). Постепенное улучшение материально-технической базы связывалось с усилением льноводства.

Чтобы приспособиться к требованиям рынка, крестьяне повсеместно усилили экстенсивное ведение хозяйства и хищническое использование земли. Распашка культурной площади достигла в губернии своего максимума. Уже существующая к тому моменту нехватка кормовых пространств увеличилась. Таким образом, остро встала проблема нехватки кормов для скота.

Однако нерациональное ведение хозяйства, экстенсивный и хищнический подход делали крестьянское хозяйство нерентабельным. Крестьянство очень чутко реагировало на его колебания и стремилось повысить доходность своего хозяйства. Для этого тверские хозяева

³ Статистика землевладения 1905 г. СПб.: Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1906. Вып. XXXV: Тверская губерния. С. 50–51.

⁴ *Проскуракова Н.А.* Землевладение // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 251–252.

⁵ Статистика землевладения 1905 г. СПб.: Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1906. Вып. XXXV: Тверская губерния. С. 10–13.

⁶ *Дауэнгауэр О.В.* Деятельность Крестьянского поземельного банка на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Тверской губернии) // Финансы и кредит. 2015. № 12. С. 55–66.

выбрасывали на рынок большее количество зерна, чем могли себе позволить. Фактически продавая большую часть урожая, крестьяне обрекали себя на полуголодное существование, так как дефицит хлеба для нужд населения был огромным. Становилось очевидным, что в такой ситуации прокормить непроизводительное хозяйство только за счет земледелия не представлялось возможным, временной спасительной мерой становился массовый отход крестьянского населения на заработки.

Согласно расчетам А.М. Анфимова в европейской России конца XIX – начала XX вв. насчитывалось около 13,9 млн крестьян, занятых промысловой деятельностью. Из них 8,3 млн были задействованы в местных промыслах (в пределах своей деревни или уезда), остальные 5,6 млн человек – в отхожих [18].

В конце XIX – начале XX вв. в нечерноземной полосе преобладали кустарно-ремесленные промыслы, а количество крестьян-отходников не превышало число крестьян, занятых местными промыслами. Данные по Тверской губернии дают несколько иную картину: местными промыслами было занято 148 545 крестьян, отхожими – 179 933 чел., что составляло 54,8% от общего числа всех «промышленников». В Тверской губернии наблюдалось преобладание отхожих промыслов над местными. Исключение составляли лишь Осташковский, Весьегонский, Бежецкий и Корчевской уезды.

Недостаток доходов, получаемых от земледелия, побуждал крестьян искать приработок в других сферах деятельности. Важнейшим подспорьем в крестьянском хозяйстве стала местная и отхожая промысловая деятельность. Крестьянские хозяйства, которые имели достаточное для их нужд количество земли, жили в основном за счет земледелия. У домохозяев с наделом меньше 3 дес. – 12% промышленников, 5–6 дес. – 7,7%; 7–8 дес. – 5%; 8–9 дес. – 4,8% [18].

На рубеже XIX–XX вв. помимо обычных легальных промыслов получили свое развитие и нелегальные. В качестве примера можно привести массовое развитие нищенства в среде крестьян – как криминальной социальной среды. Публицисты верно подметили, что главная проблема нищенства состоит не в низких денежных доходах, а в их нерегулярности. В целях приобретения дохода ряд нищих начинает прибегать к попрошайничеству как способу выживания [19].

Известны случаи коллективного нищенского промысла – общинного нищенства. Крестьяне,

занимавшиеся этим видом «промысла», были известны в народе под именем «калуны» и вели нищенский промысел в больших масштабах. Они нанимали детей, калек и женщин и выезжали в путь в повозках, которым придавали убогий вид.

С приходом в село нанятый люд рассыпался по хатам, тогда как их «предводитель» продавал крестьянам груши и яблоки. Попрошайки «калуны» наряжали в дырявые костюмы, монашеские рясы. Вечером все сходились и отдавали хозяину выручку в оговоренном размере. Выезды «калунов» происходили в определенные периоды, чтобы не мешать своим сельскохозяйственным работам. Первый выезд проходил после уборки хлеба. После возвращения в родное село начиналось страшное пьянство. Хозяева кабаков, стоящих на дороге от Пензы до Саранска, считали, что время возвращения «калунов» на родину – самое для них выгодное. Деревни «калунов» поражали своим богатством: черноземная почва, хороший скот, крепкие избы – все указывало на зажиточность крестьян, которые тем не менее не гнушались своим отвратительным промыслом [19].

Характерной особенностью развития местных промыслов было постепенное снижение их роли в крестьянском хозяйстве. Явный упадок был обусловлен рядом причин:

- на протяжении столетий крестьянские мастера не привнесли в свои традиционные занятия технических новшеств и фактически работали по старинке;
- развитие и рост числа мануфактур, фабрик, заводов вытеснял грубую, дорогую и трудоемкую ручную работу более дешевым машинным аналогом;
- хищническое истребление лесов, и ежегодное удорожание сырья негативно отражалось на состоянии промыслов. Дороговизна материалов, трудности сбыта, появление на рынках скупщиков подрывало местную промысловую деятельность. Старые занятия постепенно забывались и, как следствие, большее развитие получали промыслы, не требующие особых технических навыков, опыта, обучения. В Тверской губернии год от года росло количество чернорабочих, прислуги – выходцев из крестьянского сословия.

В конце XIX – начале XX вв. в Тверской губернии формировалась устойчивая тенденция падения местных видов промысловой деятельности, общая примитивизация рынка труда и, как следствие,

поиск более высоких заработков в других местностях. В этот период для отхожих промыслов было характерно увеличение доли крестьян с паспортами на один год, и напротив, снижение количества выданных краткосрочных (1–3 мес.) документов. К началу XX в. наблюдалось повсеместное сокращение заработков. Подтверждением этого может служить размер денежных переводов, высылаемых «промышленниками» и фиксируемых на почтово-телеграфных станциях. Так, например, в 1898 г. на одно лицо в среднем приходилось 20 руб., в 1899 г. – 17,78 руб., а в 1900 г. – 17,92 руб. [18].

Общим явлением как для местных, так и для отхожих промыслов было уменьшение числа независимых работников вследствие высокой конкуренции. Широкое развитие получали занятия, не требующие специальных знаний. Усиленное развитие получала женская промысловая деятельность. В крестьянском хозяйстве достаточно интенсивно эксплуатировался женский труд, и крестьянки осваивали специфические, ранее исконно мужские, занятия.

В начале XX в. в крестьянском хозяйстве исследуемого региона складывалась двойственная ситуация. С одной стороны, нежелание бросать землю и вероятность не найти себе хорошую работу на стороне держали крестьян неподалеку от надела. С другой стороны, возможные неблагоприятные условия сельскохозяйственного рынка, экстенсивность ведения хозяйства, низкие технические знания, относительное малоземелье не давали крестьянам возможности заниматься исключительно земледелием. Итогом приспособления крестьян к новым экономическим условиям стало усиленное занятие промыслами с акцентом на долгосрочный отход.

Общий доход крестьянского хозяйства в Тверской губернии на 1 семью составлял не более 325,6 руб. Данные по уездам дают более детальную картину. Наибольшими доходами отличались льноводческие уезды – Зубцовский и Ржевский. Они представляли скорее нетипичную картину для Тверской губернии. В остальных уездах годовой доход на семью колебался в пределах 230–300 руб. [20].

Эти абсолютные цифры ничего не говорят о структуре крестьянских расходов. На что же крестьяне губернии тратили свои средства? В расходной части крестьянского бюджета можно выделить несколько крупных позиций, таких как:

- сельское хозяйство;
- расходы на еду и питье (в том числе алкоголь и табак);

– личные траты (одежда и обувь, жилищные расходы, на образование и развлечения, медицинские расходы);

– налоги и общественные повинности;

– рекрутчина.

Расходы на сельское хозяйство составляли чуть более 30% всех расходов. Основными статьями трат в крестьянском сельском хозяйстве были: на посевные семена; аренду земель; наем рабочих, поденщиков и пастухов; покупку скота и его лечение; корм для скота, пчел и птицы; сельскохозяйственный инвентарь и его ремонт; хозяйственные и промысловые строения; мелиоративные работы [20].

С таким бюджетом крестьянам было весьма сложно вести интенсивное хозяйство, активно внедрять травосеяние, закупать искусственные удобрения (таких важных статей вообще не было в перечне крестьянских трат). Некоторые средства, хоть и выделяемые крестьянами в расходах, были явно недостаточны. Это в полной мере относится к ветеринарным расходам. С лечением и содержанием скота на рубеже XIX–XX вв. дела обстояли из рук вон плохо. До 60-х гг. XIX в. вообще не было системных попыток организации ветеринарной части, да и после долгое время они носили совершенно случайный характер и успеха большей частью не имели [17]. Ситуация существенно изменилась лишь в годы столыпинской реформы.

Обращает на себя внимание отсутствие статьи расходов на сельскохозяйственное образование. Крестьяне Тверской губернии в начале XX в., как и в Центральной России в целом, предпочитали вести хозяйство так, как это делали их отцы и деды.

В отношении сельскохозяйственных курсов и чтений также существовали сложности. Несмотря на очевидный интерес и тягу к сельскохозяйственным знаниям, этот вид земской и правительственной деятельности в том виде, в котором он существовал, вряд ли мог удовлетворить потребности крестьян полностью. Во-первых, на курсах в основном освещались теоретические вопросы и гораздо реже давались практические советы. С учетом своеобразного отношения крестьян ко всему новому, непринятия инноваций без соответствующего эмпирического опыта, можно предположить, что это снижало эффективность курсов. Кроме того, теоретические знания, получаемые крестьянами на курсах, сильно различались по своей значимости и сложности. Так, например, основы химии, большинству малограмотных слушателей

представлялись очень сложной дисциплиной. Во-вторых, состав слушателей часто менялся, в то время как залогом эффективности такого рода мероприятий нужно считать стабильность посещений курсов. Только в этом случае знания могли стать системными, а не отрывочными. Кроме того, практически не было возможности проверить, как крестьяне усваивали знания. По мнению Кашинского агронома В.В. Полонского, нельзя отрицать интерес крестьян к сельскохозяйственным знаниям, но ответить, как они это усвоят почти невозможно: крестьяне привыкли хозяйничать как их деды и прадеды, и, думается, ожидать непосредственных результатов было бы по меньшей мере преждевременно⁷.

Полученные сельскохозяйственные знания и советы специалистов требовали радикального преобразования и перестройки системы землепользования, в частности, во многих случаях – отказа от общинных порядков. На это решались немногие из домохозяев. Именно этим земцы объясняли трудности при введении травосеяния на крестьянских землях. В итоге сельское хозяйство, не получая дополнительной подпитки в виде новых знаний, примененных на практике, денежных ресурсов и новых технологий (в некоторых уездах губернии все еще в ходу была деревянная борона), становилось для крестьянина не основным занятием, как это было ранее, а лишь одним из элементов дохода. Об этом свидетельствуют и пресловутые 45% доходов, которые крестьяне получали, занимаясь сельским хозяйством.

Простота и незатейливость крестьянского быта выражалась в весьма небольших затратах на еду – менее чем 4% от всех доходов. Причем в крестьянском бюджете наравне с едой существовала статья на алкоголь и табак. Необходимо отметить, что на рубеже XIX–XX вв. пьянство сильно проникло в русский быт и вызывало серьезную озабоченность правительства. Ограничение потребления крепких напитков вылилось в государственное направление внутренней политики и было реализовано посредством введения государственной монополии на продажу алкогольных напитков. Мера эта, к сожалению, воздействия не имела и алкоголизм как в городской, так и крестьянской среде имел тенденцию к увеличению. Об этом свидетельствуют данные о продаже и потреблении водки населением: в 1901 г. было выпито 572 400 ведер водки, что составляло 0,27 ведра на душу населения обоего пола, а в 1903 г. это число равнялось 1 176 674 – 0,54 ведра и в дальнейшем неуклонно росло⁸.

⁷ ГАТО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 283. Л. 25 об.

⁸ Журналы Тверского губернского земского собрания

Показательны траты на умственные и религиозные потребности – не более 0,8% от доходов. Цифра поражает своей скудостью, причем исследователи считают ее завышенной. Крестьяне не торопились давать образование своим детям. В силу особенностей быта сложно было найти время даже на бесплатные сельскохозяйственные курсы, так как в крестьянской среде того времени бытовало представление о бесполезности умственного труда [21].

Потребность крестьянского населения в услугах священника – крестить, венчать, отпевать, причащать, служить праздничные молебны и т.п. – была бесперебойной. Однако на религиозные нужды крестьяне старались не тратиться, а отдавать за требы и исполнение таинств «натурой»: яйцами, сметаной, зерном, льном, печеным хлебом, блинами и пр. [21].

Постоянной статьей расходов крестьян являлись налоги и общественные повинности. В Тверской губернии на вышеуказанные статьи тратили до 10% от общего дохода. К прямому налогообложению конца XIX – начала XX вв. можно отнести государственные платежи (в конце XIX в. это были соляной налог, подушная подать, оброчная подать, лесной налог, государственный поземельный налог, выкупные платежи и др.) Основными государственными платежами оставались государственный поземельный налог, выкупные платежи (отмененные в 1907 г.). К прямому налогообложению можно отнести также земские поземельные, волостные и мирские расходы, обязательные страховые взносы. Косвенное обложение включало налоги на водку, чай, табак, керосин, спички и др. Обращает на себя внимание следующий факт: менее высокая налоговая нагрузка российских крестьян (по сравнению с западноевропейскими налогами) не спасала от роста недоимок. Связано это было как с неразвитостью экономики и налогового аппарата, так и с низкой платежеспособностью населения. Год от года общая сумма платежей (включая недоимки прежних лет), требуемая от крестьян, увеличивалась. В 1896 г. общий оклад с недоимками составлял 5 207 413 руб., в 1903 г. он вырос до 5 782 609 руб., то есть на 10% за 7 лет⁹.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что начало XX в. являлось поистине удивительным временем для крестьянских хозяйств. Это была

51 очередной сессии 1915 г. и чрезвычайного собрания 5 сентября 1915 г. С приложениями. Тверь, 1916. С. 17.

⁹ Статистический ежегодник Тверской губернии. 1897 г. Тверь: Изд. Тверского губернского земства, 1898. Ч. II. С. 70–71; Статистический ежегодник Тверской губернии. 1903–1904 гг. Тверь: Изд. Тверского губернского земства, 1906. Вып. II. Общий отдел. С. 86–87.

эпоха великих перемен. Земля, некогда бывшая матерью и кормилицей для крестьян, начинает отходить на второй план. Доказательством этого служит падающий уровень доходности от занятий сельским хозяйством. Все больше крестьян освобождались от земли, пополняя ряды промысловиков и рабочих. Оставшиеся «на земле» домохозяева живут не только сельским хозяйством,

но и разнообразными промыслами. Усиленными темпами идет социальная дифференциация. Низкий уровень трат на образование, воспитание и духовные потребности вкупе с отрывом от традиционных занятий закладывает мощное основание для дальнейшей люмпенизации и радикализации крестьянства как социального слоя.

Таблица 1

Приходно-расходный бюджет крестьянских семей Тверской губернии в 1903–1904 гг., руб.

Table 1

Revenues and expenditures of peasant families in the Tver province in 1903–1904, RUB

Статьи доходов и расходов крестьянских семей	Доходы и расходы (на 1 семью)
<i>Доходы</i>	
1. Сельское хозяйство:	
– продажа хлебов и растений (рожь, яровые, картофель, лен и пр.);	91
– продажа соломы и сена;	6,25
– продажа скота;	25,37
– продажа продуктов скотоводства, огородничества, птицеводства и пчеловодства;	11,99
– сдача земли в аренду;	4,58
– продажа леса и лесных материалов	7,53
Итого (всего на 1 семью / в % к общему доходу)	146,81/45,08
2. Промыслы (всего на 1 семью/в % к общему доходу)	123,84/38,03
3. Доход от лавок и промышленных заведений	11,43
4. Разные доходы	11,71
5. Кредит	20,26
6. Получено долгов	11,55
Итого (на 1 семью)	325,6
<i>Расходы</i>	
1. Сельское хозяйство и промыслы (всего на 1 семью / в % к общей сумме)	97,1/32,47
2. Напитки, пища, чай, спички, алкоголь и табак	11,63
3. Обувь и одежда	6,05
4. Жилье (обстановка, освещение и отопление)	1,09
5. Домашняя и хозяйственная посуда	0,64
6. Образование и религиозно-нравственные потребности	2,58
7. Лечение и лекарства	0,41
8. Непредвиденные потребности	0,2
9. Государственные, земские, страховые, волостные и мирские платежи и повинности (на 1 семью)	26,26
10. Рекрутчина (на 1 семью)	1,41
11. Кредит (на 1 семью)	7,71
Итого (на 1 семью)	299,07

* Расходы на 1 жителя обоего пола.

Источник: [20]

* Expenditure per 1 inhabitant of either sex.

Source: [20]

Список литературы

1. Сычева В.С. Исторический очерк бюджетных исследований в Западной Европе и США // СОЦИС. 1998. № 4. С. 48–49.
2. Власова Н.Л. Основные этапы развития земско-статистических обследований крестьянского хозяйства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 35–39.
3. Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М.: Госстатиздат, 1954. 156 с.
4. Круглов А.И., Верозуб Н.В. Крестьянское хозяйство в трудах земских статистиков юга России (конец XIX – начало XX вв.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 3. С. 55–57.
5. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1900.
6. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. Избранные труды. М.: Экономика, 1967. 320 с.
7. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 506 с.
8. Чаянов А., Студенский Г. История бюджетных исследований. М.: Издание ЦСУ РСФСР, 1922. 133 с.
9. Чаянов А.В. Бюджетные исследования: История и методы. М.: Новый агроном, 1967. 344 с.
10. Левин С.В. Комбинационные и групповые таблицы в работах земских статистиков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4. С. 136–139.
11. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: НИКА, 1996. 165 с.
12. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 264 с.
13. Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 215 с.
14. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука, 1980. 240 с.
15. Довель М. Узкие полосы // Тверские губернские ведомости. 1906. № 29. С. 3–4.
16. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
17. Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 703 с.
18. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904. М.: Наука, 1984. 232 с.
19. Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). Гагарин: Полимир, 2011. 174 с.
20. Черничин Н.А. 1903 и 1904 гг. в сельскохозяйственном отношении и некоторые данные об экономическом положении крестьянского хозяйства в Тверской губернии. Тверь: Типография Губернского земства, 1905. 33 с.
21. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.

**SPECIFICS OF PEASANT FARMS BUDGET FORMATION IN THE EARLY 20TH CENTURY:
THE TVER GOVERNORATE CASE STUDY****Ol'ga V. DAUENGAUER**Tver State University, Tver, Russian Federation
dauengauer@gmail.com**Article history:**Received 9 September 2016
Received in revised form
26 September 2016
Accepted 13 October 2016**JEL classification:** N93**Keywords:** farm, poverty,
budget, agrarian reforms,
pre-revolutionary Russia**Abstract****Subject** The article considers budgets of peasant farms for the purpose of a detailed analysis of economic and social problems faced by the largest social stratum of pre-revolutionary Russia. Being the economic basis of the autocratic regime, by 1917 the Russian peasants lost all political tolerance during quite a short period of time. Inefficient policy and palliative reforms were the main contributing factors in this process.**Objectives** The aim of the paper is to consider peasant budgets as a quantitative evidence for the analysis of peasants' social and economic position during the period under investigation, rather than as a historical source.**Methods** The study draws upon the analysis of historical data and systems approach.**Results** The findings may be useful for historians, sociologists, managers and economists.**Conclusions and Relevance** By the beginning of the 20th century, agriculture was no longer the Budget items for education and spiritual requirements were negligibly small. Extreme life conditions made peasants sensitive to economic crises and susceptible to revolutionary propaganda.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Sycheva V.S. [A historical review of budget studies in Western Europe and the USA]. *SOTSIS = Sociological Studies*, 1998, no. 4, pp. 48–49. (In Russ.)
2. Vlasova N.L. [Main development stages of territorial statistical survey of farms]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2009, no. 119, pp. 35–39. (In Russ.)
3. Korenevskaya N.N. *Byudzhetye obsledovaniya krest'yanskikh khozyaistv v dorevolutsionnoi Rossii* [Budget surveys of farms in pre-revolutionary Russia]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1954, 156 p. (In Russ.)
4. Kruglov A.I., Verozub N.V. [The farm in the writings of territorial statisticians of the South of Russia (end of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Scientific Problems of Humanities Research*, 2010, no. 3, pp. 55–57. (In Russ.)
5. Shcherbina F.A. *Krest'yanskije byudzhety* [Peasant budgets]. Voronezh, Tipografiya V.I. Isaeva Publ., 1900.
6. Chayanov A.V. *Organizatsiya krest'yanskogo khozyaistva. Izbrannye Trudy* [Organization of peasant farms. Selected works]. Moscow, Ekonomika Publ., 1967, 320 p. (In Russ.)
7. Koval'chenko I.D. *Agrarnyi stroi Rossii vtoroi poloviny XIX–nachala XX v* [Agrarian system of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2004, 506 p. (In Russ.)
8. Chayanov A., Studenskii G. *Istoriya byudzhetykh issledovaniy* [History of budget studies]. Moscow, Izdanie TsSU RSFSR Publ., 1922, 133 p. (In Russ.)
9. Chayanov A.V. *Byudzhetye issledovaniya: Istoriya i metody* [Budget research: History and methods]. Moscow, Novyi agronom Publ., 1967, 344 p. (In Russ.)
10. Levin S.V. [Cross tabulation and group tables in the works of territorial statisticians]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 2010, no. 4, pp. 136–139. (In Russ.)

11. Abramov V.F. *Rossiiskoe zemstvo: ekonomika, finansy i kul'tura* [The Russian Zemstvo system: Economy, finance and culture]. Moscow, NIKA Publ., 1996, 165 p. (In Russ.)
12. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Territorial self-government in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. (In Russ.)
13. Koroleva N.G. *Khozyaistvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost' zemstv v period modernizatsii rossiiskoi derevni (1907–1914)* [Economic activity of Zemstvos during the modernization of Russian villages (1907–1914)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 215 p. (In Russ.)
14. Anfimov A.M. *Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii, 1881–1904* [Peasant farms of European part of Russia, 1881–1904]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 240 p. (In Russ.)
15. Dovel' M. [Narrow strips of land]. *Tverskie gubernskie vedomosti = Bulletin of Tver Governorate*, 1906, no. 29, pp. 3–4. (In Russ.)
16. Tyukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001, 304 p. (In Russ.)
17. Anfimov A.M. *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropeiskoi Rossii, 1881–1904* [The economic status and class struggle of peasants of European part of Russia. 1881–1904]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 232 p. (In Russ.)
18. Kulikova S.G. *Zhenskaya prestupnost' kak sotsial'nyi faktor rossiiskoi modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [Female criminality as a social factor of Russian modernization (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. Gagarin, Polimir Publ., 2011, 174 p. (In Russ.)
19. Chernichin N.A. *1903 i 1904 gg. v sel'skokhozyaistvennom otnoshenii i nekotorye dannye ob ekonomicheskom polozhenii krest'yanskogo khozyaistva v Tverskoi gubernii* [The years of 1903 and 1904 from agricultural perspective and some data on economic situation of farms in the Tver governorate]. Tver, Tipografiya Guberskogo zemstva Publ., 1905, 33 p.
20. Veselovskii B. *Istoriya zemstva za sorok let. T. 2* [The history of the Zemstvo for forty years. Vol. 2]. St. Petersburg, Izdatel'stvo O. N. Popovoi Publ., 1909, 703 p.
21. Leont'eva T.G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv* [Faith and progress: The Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19th – beginning of the 20th century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2002, 272 p. (In Russ.)